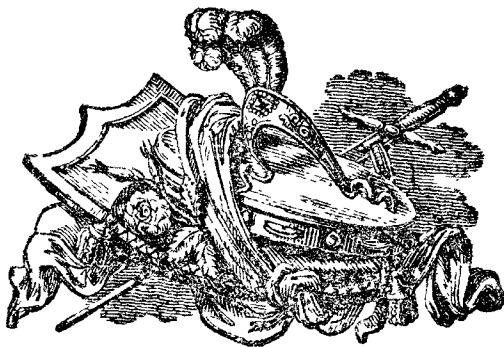

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ,

СОЧИНЕНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГъ.

1831.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

1831.

Съ дозволенія ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ДРАГОЦѢННОЙ ДЛЯ РОССІЯНЪ

П А М Я Т И

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА

СЕЙ ТРУДЪ, ГЕНІЕМЪ ЕГО ВДОХНОВЕННЫЙ,

СЪ БЛАГОГОВѢНИЕМЪ И БЛАГОДАРНОСТЬЮ ПОСВЯЩАЕТЬ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ.

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 года, 20 Февраля.)

КНЯЗЬЯ ШУЙСКІЙ И ВОРОТЫНСКІЙ.

В о р о т ы н с к і й.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдашь,
Но, кажеся, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пусша; во слѣдъ за Патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится превога?

Ш у й с к і й.

Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:

Народъ еще повоепь , да поплачепь ,
Борисъ еще поморщится немного ,
Что пьяница предъ чаркою вина ,
И наконецъ по милости своей
Приняпь вѣнецъ смиренно согласি�ся ,
А шамъ— а шамъ онъ будесть нами править
По прежнему.

В о р о т ы н с к и й .

Но мѣсяцъ ужъ пропекъ ,
Какъ , зашворясь въ монастырѣ съ сестрою ,
Онъ , кажется , покинулъ все мірское.
Ни Паштіархъ , ни Думные Бояре
Склонишь его досель не могли ;
Не внемлешь онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ ,
Ни ихъ мольбамъ , ни воплю всей Москвы ,
Ни голосу Великаго Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу ;
Печальная Монахиня - Царица ,
Какъ онъ шверда , какъ онъ неумолима :

Знать самъ Борисъ сей духъ въ нее вселиль.
 Что ежели Правитель , въ самомъ дѣлѣ ,
 Державными заботами наскучиль
 И на престоль безвластный не взойдешь?
 Что скажешь ты ?

Шуйский.

Скажу, что понапрасну
 Лилася кровь Царевича - младенца ;
 Что если такъ , Димитрій могъ бы жить.

Воротынский.

Ужасное злодѣйство ! Полно точно ль
 Царевича сгубиль Борисъ?

Шуйский.

А кто же ?
 Кто подкупаль напрасно Чепчугова ?
 Кто подосланъ обоихъ Бипяговскихъ
 Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ быль
 Изслѣдовашъ на мѣстѣ эшо дѣло :
 Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды ;
 Весь городъ быль свидѣтель злодѣяния ;

Всѣ граждане согласно показали :

**И , возвратясь , я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрышаго злодья.**

В о р о т ы н с к і й .

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ ?

Ш у й с к і й .

**Онъ , признаюсь , тогда меня смущилъ
Спокойствиемъ , безстыдносью нежданой ;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣль , какъ будто правый :
Разспрашивалъ , въ подробности входиль —
И передъ нимъ я поворорилъ нелѣпость ,
Которую мнѣ самъ онъ нашешидалъ .**

В о р о т ы н с к і й .

Нечисто , Князь .

Ш у й с к і й .

А что мнѣ было дѣлать ?

**Все объявишь Феодору ? Но Царь
На все глядѣль очами Годунова ,
Всему внималь ушами Годунова :
Пускай его бѣ увѣриль я во всемъ ;**

Борись топчасъ его бы разувѣрилъ,
 А шамъ меня жъ сослали бъ въ започенье,
 Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
 Въ глухой штурмъ шихонько бъ задавили.
 Не хвастаюсь, а въ случаѣ конечно
 Никая казнь меня не успрашишъ;
 Я самъ не прусъ, но также не глупецъ,
 И въ пеплю лѣзпъ не соглашуся даромъ.

В о р о т ы н с к і й.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
 Губицеля раскаянье превожишъ:
 Конечно кровь невиннаго младенца
 Ему спушишъ мѣшаешьъ на пресполь.

Ш у й с к і й.

Перешагнешъ; Борись не шакъ - то робокъ!
 Какая честь для нась, для всей Руси!
 Вчерашній рабъ, Ташаринъ, зяпъ Малюты,
 Зяпъ палача и самъ въ душѣ палачъ,
 Возмешъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

В о р о т ы н с к і й.

Такъ, родомъ онъ незнапень; мы знаниѣ.

Ш у й с к і й.

Да , кажется.

В о р о т ы н с к і й.

Вѣдь Шуйскій , Воротынскій...

Легко сказать , природные Князья.

Ш у й с к і й.

Природные , и Рюриковой крови.

В о р о т ы н с к і й.

А слушай , Князь , вѣдь мы бѣ имѣли право
Наслѣдовашъ Феодору.

Ш у й с к і й.

Да , болѣ ,

Чѣмъ Годуновъ.

В о р о т ы н с к і й.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ !

Ш у й с к і й.

Что жь ?

Когда Борисъ хитрить не перестанешь ,

Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставят Годунова,
Своихъ Князей у нихъ довольно; пускай
Себѣ въ Цари любаго изберутъ.

Воротынский.

Не мало нась наследниковъ Варяга,
Да трудно намъ пягаться съ Годуновыми:
Народъ опвыкъ въ нась видѣть древнюю отрасль
Воинственныхъ власшишней своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно Царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣль и спрахомъ и любовью
И славою народъ очарованъ.

Шуйский (глядитъ въ окно).

Онъ смѣль, воить все — а мы... Но полно. Видишь,
Народъ идешь, разсыпавшись, назадъ —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Н А Р О Д Ъ.

О д и н ъ.

Неумолимъ! Онъ опъ себя прогналь
 Святышелей, Бояръ и Паштіарха.
 Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
 Его спрашишь сіяніе преспола.

Д р у г о й.

О Боже мой, кто буде путь нами править?
 О горе намъ!

Т р е т і й.

Да вонъ Верховный Дьякъ
 Выходитъ намъ сказать рѣшеніе Думы.

Н а р о д ъ.

Молчашь! молчашь! Дьякъ Думной говориша;
Шиши — слушайше!

Щелкаловъ (*съ Краснаго Крыльца*).

Соборомъ положили

Въ послѣдній разъ оправдашь силу просьбы
Надъ скорбною Правителѧ душой.

Заупра вновь Святыи Патріархъ,
Въ Кремль опять торжественно молебень,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
Съ Иконами Владимірской, Донской,
Воздвиженія, а съ нимъ Синклини, Бояре,
Да сонмъ Дворянъ, да Выборные Люди
И весь народъ Московскій православный,
Мы всѣ пойдемъ молитвъ Царицу вновь,
Да склонятся надъ сирою Москвой
И на вѣнецъ благословиша Бориса.

Идиша же вы съ Богомъ по домамъ,
Молищася, да взыдеши къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

(*Народъ разходится*).

КРЕМЛЕВСКИЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРІАРХЪ, БОЯРЕ.

Б о р и съ.

Ты, отче Патріархъ, вы все, Бояре,
 Обнажена моя душа предъ вами:
 Вы видѣли, что я приемлю власть
 Великую со спрахомъ и смиреньемъ.
 Сколь пяжела обязанность моя!
 Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —
 Наслѣдую и Ангелу - Царю!..
 О праведникъ, о мой отецъ державный!
 Воззри съ небесъ на слезы вѣриыхъ слугъ
 И низпошли тому, кого любилъ ты,
 Кого ты здѣсь споль дивно возвеличилъ,

Священное на власпь благословенье:

Да правлю я во славѣ свой народъ,

Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.

Опь васъ я жду содѣйствія, Бояре.

Служише мнѣ, какъ вы ему служили,

Когда пруды я ваши раздѣляль,

Не избранный еще народной волей.

Б о я р е.

Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

Б о р и съ.

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ

Почіющихъ власнителей Россіи,

А шамъ — сзывасть весь нашъ народъ на пиръ,

Всѣхъ, опь вельможъ до нищаго слѣпца;

Всѣмъ вольный входъ, всѣ госпи дорогіе.

(Уходитъ, за нимъ и Бояре).

Князь Воротынскій, останавливая Шуйскаго.

Ты угадалъ.

Ш у й с к і й.

А чѣо?

В о р о т ы н с к и й.

Да здѣсь , намѣдни ,

Ты помнишь ?

Ш у й с к и й.

Нѣшь , не помню ничего .

В о р о т ы н с к и й.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле ,

Ты говорилъ —

Ш у й с к и й.

Теперь не время помнить ,

Совѣтую порой и забывать ,

А вирочемъ я злословіемъ пришпорнымъ

Тогда желаль шебя лишь испытать ,

Вѣрный узнать твой шайный образъ , мыслей ;

Но волъ — народъ привѣтствуетъ Царя —

Описуя мое замѣтишь могутъ —

Иду за нимъ .

В о р о т ы н с к и й.

Лукавый царедворецъ !

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѦ.

(1603 го́да.)

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ, ГРИГОРИЙ спящій.

Пименъ (*пишетъ передъ лампадой*).

Еще одно, послѣднее сказанье —

И Лѣтопись окончена моя,

Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога

Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣпть

Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ

И книжному искусству вразумилъ:

Когда нибудь монахъ трудолюбивый

Найдеть мой трудъ усердный , безымянный ;
 Засвѣтишь онъ , какъ я , свою лампаду ,
 И , пыль вѣковъ опь харпій опряхнувъ ,
 Правдивыя сказанья перепишишь ,
 Да вѣдаюшь попомки православныхъ
 Земли родной минувшую судьбу ,
 Своихъ Царей великихъ поминаютъ
 За ихъ пруды , за славу , за добро —
 А за грѣхи , за темныя дѣянья ,
 Спасищеля смиренно умоляютъ .

На спаросши я сизнова живу ;
 Минувшее проходишь предо мною —
 Давно ль оно неслось событій полно ,
 Волнуяся , какъ море - окіанъ ?
 Теперь оно безмолвно и спокойно :
 Немного лицъ мнѣ память сохранила ,
 Немного словъ доходишь до меня ,
 А прочее погибло невозвратно ! ..
 Но близокъ день , лампада догараешь —
 Еще одно , послѣднее сказанье (*пишетъ*).

Григорій пробуждается.

Все шопть же сонъ ! Возможно ль ? въ шрептій разъ !
 Проклятый сонъ ! .. А все передъ лампадой
 Спарикъ сидишъ , да пишешъ — и дремотой
 Знашь во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
 Какъ я люблю его спокойный видъ ,
 Когда , душой въ минувшемъ погруженный ,
 Онъ Лѣшопись свою ведешъ ; и часпо
 Я угадашь хопѣль , о чемъ онъ пишешъ :
 О шемномъ ли владычествѣ Ташарь ?
 О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна ?
 О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчѣ ?
 О славѣ ли опечесипа ? напрасно :
 Ни на челѣ высокомъ , ни во взорахъ
 Нельзя прочесить его сокрыпихъ думъ ;
 Все шопть же видъ смиренный , величавый .
 Такъ точно Дьякъ , въ Приказахъ посѣдѣлый ,
 Спокойно зришь на правыхъ и виновныхъ ,
 Добру и злу внимая равнодушно ,
 Не вѣдая ни жалости , ни гнѣва .

П и м е н ъ.

Проснулся , братъ.

Г р и г о р і й.

Благослови меня ,

Чесній отець.

П и м е н ъ.

Благослови , Господь ,

Тебя и днесь и присно и вовѣки.

Г р и г о р і й.

Ты все писаль и сномъ не позабылся ,

А мой покой бѣсовское мечтанье

Тревожило, и врагъ меня мушилъ :

Мнѣ снился , что лѣспница крупная

Меня вела на башню ; съ высоты

Мнѣ видѣлась Москва , что муравейникъ ;

Внизу народъ на площади кипѣлъ

И на меня указывалъ со смѣхомъ ;

И спыдно мнѣ и спрашно спановилось —

И падая спремглавъ , я пробуждался....

И три раза мнѣ снился пошь же сонъ.
Не чудно ли?

П и м е н ъ.

Младая кровь играеть;
Смиряй себя молитвой и поспомъ,
И сны швои видѣній легкихъ будущъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сопворю молитвы долгой къ ночи —
Мой спарый сонъ не шихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудялся шо шумные пиры,
То рапный спанъ, шо схватки боевые,
Безумныя попѣхи юныхъ лѣпъ!

Г р и г о р і й.

Какъ весело провель свою шы младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рапъ Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Щасливъ! а я опъ отроческихъ лѣпъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!

Зачѣмъ и мнѣ не пѣшишься въ бояхъ,
 Не пировать за Царскою трапезой?
 Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣпть,
 Опѣ суешы, опѣ міра опложишишься,
 Произнести монашеспва обѣпть,
 И въ тихую обищель запворишишь.

П и м е н ъ.

Не сѣпуй, братъ, чпо рано грѣшный свѣпть
 Покинулъ ты, чпо мало искушеній
 Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
 Насъ издали плѣняюшь слава, роскошь
 И женская лукавая любовь.
 Я долго жилъ и многимъ насладился;
 Но съ твой поры лишь вѣдаю блаженство,
 Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
 Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
 Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣеть
 Пропиву нихъ? Никто. А что же? Часто
 Злой вѣнецъ пяжель имъ спановился:
 Они его мѣняли на клобукъ.

Царь Иоаннъ искалъ успокоенья
 Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
 Его дворецъ , любимцевъ гордыихъ полный ,
 Монастыря видъ новый принималъ :
 Кромешники въ шафьяхъ и власяницахъ
 Послушными являлись чернецами ,
 А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ.
 Я видѣлъ здѣсь , опть въ этой самой кельѣ
 (Въ ней жилъ тогда Кириллъ многоспрадальный ,
 Мужъ праведный ; тогда ужъ и меня
 Сподобиль Богъ уразумѣшъ ничтожность
 Мирскихъ суевъ) , здѣсь видѣлъ я Царя ,
 Усталаго опь гнѣвныхъ думъ и казней :
 Задумчивъ , шихъ сидѣлъ межъ нами Грозный ;
 Мы передъ нимъ недвижимо стояли ,
 И шико онъ бесѣду съ нами велъ.
 Онъ говорилъ Игумну и всей братью :
 « Опцы мои , желанный день придетъ ,
 « Предстану здѣсь алкающій спасеня ;
 « Ты , Никодимъ , ты , Сергій , ты , Кириллъ ,

**

« Вы все — обѣгъ примише мой духовный ,
 « Прииду къ вамъ преспупникъ окаянный
 « И схиму здѣсь чеснную восприму,
 « Къ споламъ твоимъ, свѧтый Отець, припадши. »

Такъ говорилъ державный Государь ,
 И сладко рѣчь изъ устъ его лилася ,
 И плакаль онъ. А мы въ слезахъ молились,
 Да ниспошлеть Господь любовь и миръ
 Его душъ , спрадающей и бурной.

А сынъ его Феодоръ ? На престолѣ
 Онъ вздыхалъ о мирномъ житїи
 Молчальника. Онъ Царскіе чершоги
 Преобразилъ въ молитвенную келью ;
 Тамъ шажкія , державныя печали
 Свѧтой души его не возмущали.

Богъ возлюбилъ смиреніе Царя ,
 И Русь при немъ во славѣ безмятежной
 Упѣшилась — а въ часъ его кончины
 Свершилося неслыханное чудо :
 Къ его одру , Царю едино зримый ,

Явился мужъ необычайно свѣтлъ ,
 И началъ съ нимъ бесѣдовашъ Феодоръ
 И называть великимъ Патріархомъ ,
 И вѣкъ кругомъ обѣяны были спрахомъ ,
 Уразумѣвъ небесное видѣнье ,
 Зане святый Владыка предъ Царемъ
 Во храминѣ тогда не находился.
 Когда же онъ преставился , палаты
 Исполнились святымъ благоуханьемъ
 И ликъ его какъ солнце просияль —
 Ужъ не видать шакого намъ Царя.
 О спрашное , невиданное горе !
 Прогнѣвали мы Бога , согрѣшили :
 Владыкою себѣ цареубийцу
 Мы нарекли .

Г р и г о р и й.

Давно , чеснѣй отецъ ,
 Хотѣлось мнѣ шея спросить о смерти
 Димишрія Царевича ; въ то время
 Ты , говоряши , былъ въ Угличѣ .

П и м е н ъ.

Охъ , помню !

Привель меня Богъ видѣть злое дѣло ,
 Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальний Угличъ
 На нѣкое быль посланъ послушанье ;
 Пришелъ я въ ночь. Наушро въ часъ обѣдни
 Вдругъ слышу звонъ ; ударили въ набашъ ;
 Крикъ , шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
 Спѣшу туда жъ — а шамъ уже весь городъ.
 Гляжу : лежитъ зарѣзанный Царевичъ ;
 Царица машь въ безпамяшспѣ надъ нимъ ,
 Кормилица въ отчаянныи рыдаешъ ,
 А шупъ народъ оспервенясь волочишъ
 Безбожную предательницу - мамку ...
 Вдругъ между нихъ , свирѣпъ , опъ злоспи блѣденъ ,
 Является Іуда - Бипяговскій.
 « Вопъ , вопъ злодѣй ! » раздался общій вопль ,
 И вмигъ его не спало. Тушъ народъ
 Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ премъ убийцамъ ;
 Укрывшихся злодѣевъ захватили

И привели предъ теплый прупъ младенца ,
 И чудо — вдругъ мертвецъ запрепеталъ.
 « Покайтесь ! » народъ имъ загремѣлъ :
 И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
 Покаялись — и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ быль лѣпъ Царевичъ убіенный ?

Пимень.

Да лѣпъ семи ; ему бы нынѣ было —
 (Тому прошло ужъ десять лѣпъ... нѣпъ, больше:
 Двѣнадцать лѣпъ) — онъ быль бы пвой ровесникъ
 И царствовалъ ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстю плачевной заключу
 Я лѣтопись свою ; съ тѣхъ поръ я мало
 Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій ,
 Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ ,
 Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
 Свободные опь подвиговъ духовныхъ ,
 Описывай , не мудрствуя лукаво ,
 Все шо , чemu свидѣтель въ жизни будешь :

Войну и миръ , управу Государей ,
 Угодниковъ святыя чудеса ,
 Пророчества и знаменья небесны —
 А мнѣ пора , пора ужъ отдохнуть
 И погасить лампаду... Но звоняшь
 Къ заупрѣнѣ... благослови , Господь ,
 Своихъ рабовъ!... подай костиль , Григорій.

(Уходитъ).

Григорій.

Борисъ , Борисъ ! все предъ тобой пропещепъ ,
 Никто тебѣ не смѣешь и напомнишь
 О жребіи нещаснаго младенца —
 А между тѣмъ ошельникъ въ темной кельѣ
 Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ :
 И не уйдешь ты отъ суда мірскаго ,
 Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

ПАТРИАРХЪ, ИГУМЕНЪ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

ПАТРИАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, ошѣцъ Игуменъ?

Игуменъ.

Убѣжалъ, свящій Владыка, вонъ ужъ пому
третій день.

ПАТРИАРХЪ.

Поспѣль, окаянныи! Да какого онъ роду?

Игуменъ.

Изъ роду Отрепьевыхъ, Галицкихъ Боярскихъ
Дѣней; смолоду поспригся невѣдомо гдѣ, жилъ
въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ, ушелъ
отпугда, шашался по разнымъ обищелямъ, на-

конецъ пришелъ къ моей Чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ началь ошцу Пимену, спарцу крошкому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочиняль каноны святымъ; но знать грамота далася ему не отъ Господа Бога...

ПАТРИАРХЪ.

Ужъ эти мнѣ грамоты! что еще выдумалъ! буду Царемъ на Москвѣ! ахъ, онъ сосудъ діавольскій! Однако нечего Царю и докладывать обѣ эпомъ; что превожишь Ошца-Государя? Довольно будешь объявить о побѣгѣ Дьяку Смирнову, или Дьяку Ефимьеву. Эшака ересь! буду Царемъ на Москвѣ!.... Поймашь, поймашь врагоугодника, да и сослашь въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ Игumenъ?

ИГУМЕНЪ.

Ересь, святой Владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ДВА СТОЛЬНИКА.

П е р в ы й.

Где Государь?

В т о р о й.

Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

П е р в ы й.

Такъ, вошь его любимая бесѣда:

Кудесники, гадашели, колдуныи.

Все ворожишь, что красная невѣста.

Желалъ бы знать, о чемъ гадаешь онъ?

В т о р о й.

Вошь онъ идешь. Угодно ли спросишь?

П Е Р В Ы Й.

Какъ онъ угрюмъ! (*Уходить*).

ЦАРЬ, *входитъ*.

Доспигъ я высшей власти;

Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:

Но щаспль нѣпъ моей душъ. Не такъ ли

Мы смолоду влюбляемся и алчемъ

Упѣхъ любви, но только уполнимъ

Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,

Ужъ охладѣвъ скучаемъ и шомимся?...

Напрасно мнѣ кудесники сулятъ

Дни долгіе, дни власти безмятежной —

Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;

Предчувшую небесный громъ и горе.

Мнѣ щаспль нѣпъ. Я думалъ свой народъ

Въ довольствїи, во славѣ успокоишъ,

Щедропами любовь его снискать —

Но опложилъ пустое попеченье:

Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умѣютъ только мертвыхъ.

Безумны мы, когда народный плескъ,
 Иль ярый вопль превожишъ сердце наше.
 Богъ насыпалъ на землю нашу гладъ;
 Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
 Я опворилъ имъ жинницы; я злапо
 Разсыпалъ имъ; я имъ сыскаль работы:
 Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
 Пожарный огнь ихъ дома испребилъ;
 Я выспроилъ имъ новыя жилища:
 Они жъ меня пожаромъ упрекали!
 Вопль черни судъ: ищи жъ ея любви!
 Въ семье моей я мнилъ найди оправду,
 Я дочь мою мнилъ ощастлививъ бракомъ;
 Какъ буря, смерть уносить жениха....
 И шупль молва лукаво нарекаепъ
 Виновникомъ дочерняго вдовства
 Меня, меня несчастнаго оши!....
 Кто ни умрешъ, я всѣхъ убійца шайный:
 Я ускорилъ Феодора кончину,
 Я отправилъ свою сестру Царицу,

Монахиню смиренную . . . все я !
Ахъ , чувствую : ничто не можешь насъ
Среди мірскихъ печалей успокоишь ;
Ничто , ничто . . . едина развѣ совѣсть —
Такъ , здравая , она восшоржествуешь
Надъ злобою , надъ шемной клеветою.
Но если въ ней единое пятно ,
Единое случайно завелося ;
Тогда бѣда : какъ язвой моровой
Душа сгоришь , нальется сердце ядомъ ,
Какъ молошкомъ спущишь въ ушахъ упрекомъ ,
И все шошнишь , и голова кружится ,
И мальчики кровавые въ глазахъ . . .
И радъ бѣжать , да некуда . . . ужасно !
Да , жалокъ шолъ , въ комъ совѣсть нечиста .

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

МИСАИЛЬ и ВАРЛААМЪ, бродяги въ видѣ че-
нецовъ; ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ міряниномъ;
ХОЗЯЙКА.

Х о з я й к а.

Чѣмъ-шо мнѣ васъ подчивашь, спарцы честные?

В а р л а а мъ.

Чѣмъ Богъ пошлемъ, хозяюшка. Нѣть ли вина?

Х о з я й к а.

Какъ не быть, опцы мои! сей часъ вынесу.

(*Уходитъ.*)

М и с а и л ъ.

Что жъ ты закручинился, поварищъ? Вотъ и граница Липовская, до которой такъ хопѣлось тебѣ добраться.

Григорий.

Пока не буду въ Липвѣ, до пѣхъ поръ не буду спокоенъ.

Варлаамъ.

Что шебѣ Липва шакъ слюбилась? Вонь мы, ошецъ Мисаиль, да я грѣшный, какъ упекли изъ монастыря, шакъ ни о чёмъ ужъ и не думаемъ: Липва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино.... да вонь и оно!...

Мисаиль.

Складно сказано, ошецъ Варлаамъ.

Хозяйка, входитъ.

Вонь вамъ, ощцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаиль.

Спасибо, родная, Богъ шебя благослови. (Поетъ.)

Какъ во городѣ было во Казани...

Что же ты не подпягиваешь, да и не попягиваешь?

Григорий.

Не хочу.

Мисаиль.

Вольному воля....

Варлаамъ.

А пьяному рай , отець Мисаиль ! Выпьем же чарочку за шинкарочку....

Однако , отець Мисаиль , когда я пью , такъ пррезвыхъ не люблю : ино дѣло пьянство , а иное чванство ; хочешь жиши какъ мы , милоспи просимъ — нѣшь , такъ убирайся , проваливай : скоморохъ попу не поваришь .

Григорий.

**Пей , да про себя разумѣй , отець Варлаамъ!...
Видишь и я порой складно говорить умѣю .**

Варлаамъ.

А чпо мнѣ про себя разумѣть ?

Мисаиль.

Оставь его , отець Варлаамъ .

ВАРЛААМЪ.

Да что онъ за поспникъ? Самъ же къ намъ назвался въ шоварищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда — да еще и спѣшившся. (*Пѣтъ и поетъ.*)

Молодой Чернецъ постригся.

Григорій, хозяйкѣ.

Куда ведешъ эша дорога?

Хозяйка.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

Григорій.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка.

Недалече, къ вечеру можно бы шуда поспѣшь, кабы не заспавы Царскія, да спорожевые приставы.

Григорій.

Какъ, заспавы! что это значипъ?

Хозяйка.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а вѣно всѣхъ задерживашъ, да осматривашъ.

Григорій, про себя.

Вопль шебѣ, бабушка, Юрьевъ день. (*Вслухъ.*)
Да кого жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Моск-
вы?

Хозяйка.

А Господь его вѣдаешь, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода неѣшь. А чѣо изъ шого будешь? ничего, ни лысаго бѣса не поймаюшь: будшо въ Липшу нѣшь и другаго пущи, какъ сполбовая дорога! Вопль хопль отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по пропинкѣ до часовни, чѣо на Чеканскомъ ручью, а шамъ прямо черезъ болошо на Хлопино, а отпушуда на Захарьево, а шупль ужъ всякой мальчишка доведешь до Луёвыхъ горъ. Опль этихъ приспавовъ только и шолку, чѣо притѣсняюшь прохожихъ, да обираюшь насъ бѣдныхъ. (*Слы-
шень шумъ*). Чѣо шамъ еще? Ахъ, вопль они проклятые! дозоромъ идущъ.

★ *

Григорій.

Хозяйка! нѣпъ ли въ избѣ другаго угла?

Хозяйка.

Нѣшу, родимый, рада бы сама спрятаться.
Только слава, что дозоромъ ходяшь, а подавай
имъ и вина и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ
имъ издохнуть окаянныемъ! чтобъ имъ... (*Входъ
для Приставы.*)

Приставъ.

Здорово, хозяйка!

Хозяйка.

Добро пожаловать, госпи дорогие, милосши
просимъ.

Одинъ Приставъ другому.

Ба! да здѣсь попойка идешь; будешь чѣмъ по-
живиться. (*Монахамъ.*) Вы что за люди?

Варлаамъ.

Мы Божіи спарцы, иноки смиренные, ходимъ
по селеніямъ, да собираемъ милоспышню Христі-
ансскую на монастырь.

П р и с т а въ , Григорью.

А ты ?

М и с а и лъ.

Нашъ товарищъ

Г р и г о р і й.

Мірянинъ изъ пригорода ; проводиль спарцевъ до рубежа ; опсель иду восьояси .

М и с а и лъ.

Такъ ты раздумалъ

Г р и г о р і й , тихо .

Молчи .

П р и с т а въ .

Хозяйка , выспавъ-ко еще вина — а мы здѣсь со спарцами попьемъ , да побесѣдуетъ .

Другой П р и с т а въ , тихо .

Парень-то , кажется , голъ ; съ него взяпъ нечего ; за шо спарцы

П е р в ы й .

Молчи , сей часъ до нихъ доберемся . — Что , опцы мои , каково промышляете ?

ВАРЛААМЪ.

Плохо, сыне, плохо! нынѣ Христіане спали скупы; деньгу любяшъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даюшъ. Пріиде грѣхъ велій на языцы земніи. Всѣ пуспилися въ торги, въ мытарства; думаюшъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молиши, молиши; иногда въ три дни прѣхъ полушенекъ не вымолиши. Такой грѣхъ! Пройдешь недѣля, другая, заглянешь въ мошёнку, ань въ ней шакъ мало, чѣто совѣстно въ монастырь показаться; чѣто дѣлашъ? съ горя и осипальное пропьешь; бѣда да и шолько. — Охъ, плохо, знать пришли наши послѣднія времена . . .

Хозяйка, плачетъ.

Господь помилуй и спаси!

(Въ продолженіе Варлаамовой рѣти, первый
Приставъ значительно всматривается въ
Мисаила.)

П Е Р В Ы Й П Р И С Т А В Ъ.

Алёха! при шебѣ ли Царскій Указъ?

В Т О Р О Й.

При мнѣ.

П Е Р В Ы Й.

Подай-ко сюда.

М и с а и л ъ.

Что ты на меня такъ приспально смотришь?

П Е Р В Ы Й П Р И С Т А В Ъ.

А вонъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой ерешикъ, Гришка Опрецьевъ, слыхалъ ли ты это?

М и с а и л ъ.

Не слыхалъ.

П Р И С Т А В Ъ.

Не слыхалъ? ладно. Ашо бѣглаго ерешика Царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

М и с а и л ъ.

Не знаю.

П р и с т а въ , *Варлааму.*

Умѣешь ли ты читать ?

В а р л а а мъ .

Смолоду зналъ , да разучился.

П р и с т а въ , *Мисаилу.*

А шы ?

М и с а и лъ .

Не умудриль Господь.

П р и с т а въ .

Такъ вонъ шебѣ Царскій Указъ.

М и с а и лъ .

На чпо мнѣ его ?

П р и с т а въ .

Мнѣ сдається , что этотъ бѣглый ерешикъ ,
воръ , мошенникъ — шы .

М и с а и лъ .

Я ? помилуй ! чпо шы !

П р и с т а въ .

Поспой ! держи двери . Вонъ мы сей часъ и
справимся .

Х о з я й к а.

Ахъ они окаянные мучишли! и спарца-то въ
покоѣ не оспавяшь!

П р и с т а въ.

Кто здѣсь грамошный?

Григорій, выступаетъ впередъ.

Я грамошный.

П р и с т а въ.

Вопь на... А у кого же шы научился?

Григорій.

У нашего пономаря.

П р и с т а въ, даетъ ему Указъ.

Читай же вслухъ.

Григорій, читаетъ.

« Чудова монастыря недостойный чернецъ Гри-
горій, изъ рода Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь
и дерзнуль, наученный діаволомъ, возмущашъ
свяшту братію всякими соблазнами и безза-
коніями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ

« онъ , окаянный Гришка , къ границѣ Литов-
« ской . . . »

П р и с т а въ , Mисайлу.

Какъ же не шы?

Г р и г о р і й.

« И Царь повелѣлъ изловить его . . .

П р и с т а въ .

И повѣсить !

Г р и г о р і й.

Тушь не сказано повѣсить .

П р и с т а въ .

Врешь ! не всяко слово въ сроку пишется .

Чишай : изловить и повѣсить .

Г р и г о р і й.

« И повѣсить . А лѣпъ ему вору Гришкѣ опѣ ро-
« ду . . . (смотря на Варлаама) за 50 , а росту
« онъ средняго , лобъ имѣетъ плѣшивый , бороду
« сѣдую , брюхо шолестое .

(Всѣ глядятъ на Варлаама.)

Ребята ! здѣсь Гришка ! держите , вяжите его !
Вонъ ужъ не думалъ , не гадаль !

Варлаамъ , вырывал бумагу.

Опстаньше , поспрѣлы ! что я за Гришка ?
какъ ! 5о лѣпъ , борода сѣдая , брюхо шолстое !
нѣпъ , брапъ ! молодъ еще надо мною шушки
шупишь . Я давно не чипывалъ и худо разбираю ,
а шупъ ужъ разберу , какъ дѣло до пепли дохо-
дипъ . (*Читаетъ по складамъ.*) « А лѣпъ е-му
« опъ ро-ду... 20. » —Что брапъ , гдѣ шупъ 5о ?
видишь 20 ?

Второй Приставъ.

Да , помнишся , 20 ; такъ и намъ было сказано .

Первый Приставъ , Григоріо.

Да шы , брапъ , видно забавникъ .

(*Во время гтенія , Григорій стоитъ потупя
голову , съ рукою за пазухой.*)

Варлаамъ , продолжаетъ.

« А роспомъ онъ малъ , грудь широкая , одна
« рука короче другой , глаза голубые , волосы ры-

« жіе , на щекѣ бородавка , на лбу другая . Да
эшо другъ ужъ не шы ли ?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ ; всѣ
передъ нимъ разступаются , онъ бросается
въ окно .)

ПРИСТАВЫ.

Держи ! держи !

(Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ .)

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

ШУЙСКІЙ, множество гостей. Ужинъ.

Шуйский.

Вина еще. (*Встаетъ, за нимъ и всѣ.*)

Ну, госпи дорогіе,

Послѣдній ковшъ! Чишай молишу, мальчикъ.

Мальчикъ.

Царю небесь, вездѣ и присно сущій,

Своихъ рабовъ моленію внемли:

Помолимся о нашемъ Государѣ,

Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,

Всѣхъ Христіанъ Царѣ самодержавномъ.

Храни его въ палашахъ, въ полѣ ратномъ,

И на пушкахъ, и на одрѣ ночлега.

Подай ему побѣду на враги,
 Да славится онъ отъ моря до моря.
 Да здравіемъ цвѣтешъ его семья,
 Да освѣняшъ ея драгія вѣтви
 Весь міръ земной — а къ намъ, своимъ рабамъ,
 Да будешъ онъ, какъ прежде благодатенъ,
 И милоспивъ и долгоперѣливъ,
 Да мудросши его неиспощимой
 Произшекутъ источники на насъ;
 И, Царскую на шо воздвигнувъ чашу,
 Мы молимся Тебѣ, Царю небесъ.

Шуйскій, пѣть.

Да здравствуешь Великій Государь!
 Проспише же вы, гости дорогіе;
 Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
 Не презрѣли. Проспише, добрый сонъ.

(Гости уходятъ, онъ провожаетъ ихъ до дверей.)

Пушкинъ.

Насилу убрались; ну, Князь Василій Ивановичъ, я
 ужъ думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

Шуйский, слугамъ.

Вы, что ропть разинули? Все бы вамъ господъ подслушивашь. Сбирайше со стола, да спупайше вонъ. — Что шакое, Аѳанасій Михайловичъ?

Пушкинъ.

Чудеса да и только.

Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйский.

Ну.

Пушкинъ.

Спранную племянникъ пишешъ новоспль.
Сынъ Грознаго.... постой. (*Идетъ къ дверямъ и осматриваетъ.*) Державный опроцъ,
По манію Бориса убіенный....

Шуйский.

Да эшо ужъ не ново.

Пушкинъ.

Погоди:

Димитрій живъ.

Шуйский.

Вотъ на! какая вѣснѣ!

Царевичъ живъ! ну подлинно чудесно.

И шолько-шо.

Пушкинъ.

Послушай до конца:

Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли Царевичъ,
 Иль нѣкій духъ во образѣ его,
 Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
 Но только шамъ Димитрій появился.

Шуйский.

Не можетъ бытъ.

Пушкинъ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
 Какъ прїезжалъ впервой онъ во дворецъ
 И сквозь ряды Липовскихъ Пановъ прямо
 Шелъ въ шайную палату Короля.

Шуйский.

Кто жъ онъ шакой? откуда онъ?

Пушкинъ.

Не знаюшь,

Извѣстно то, что онъ слугою быль
У Вишневецкаго, что на одрѣ болѣзни
Опкрылся онъ духовному ощиу,
Что гордый Панъ, сію провѣдавъ шайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра
И съ нимъ попомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій.

Что жъ говоряшь объ эпомъ удальцѣ?

Пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣспливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Лапинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ —
И говоряшь, помогу обѣщалъ.

Шуйскій.

Все это, братъ, шакая куперма,
Что голова кругомъ пойдешь невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,

Но признаюсь, опасность не мала.
 Весьма важная! и если до народа
 Она дойдетъ, то быть грозъ великой!

Пушкинъ.

Такой грозъ, что врядъ Царю Борису
 Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
 И подъемъ ему: онъ править нами,
 Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ)
 Что пользы въ помъ, что явныхъ казней нѣть,
 Что на полу кровавомъ всенародно
 Мы не поемъ каноновъ Иисусу,
 Что насы не жгутъ на площади, а Царь
 Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
 Уверены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
 Насъ каждый день опала ожидаешь,
 Тюрма, Сибирь, клобукъ, иль кандалы,
 А шамъ въ глухи голодна смерть, иль пепля,
 Знашьшие межъ нами роды гдѣ?
 Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шеспуновы,
 Романовы, опечеспва надежда?

Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
 Дай срокъ: шебѣ шакая жъ будешъ участъ.
 Легко лъ, скажи: мы дома, какъ Липвой,
 Осаждены невѣрными рабами:
 Все языки, гоповые продали,
 Правищельствомъ подкупленные воры.
 Зависимъ мы опять первого холопа,
 Котораго захочемъ наказать.
 Вонъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
 Не власны мы въ помѣстяхъ своихъ.
 Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
 Корми его. Не смѣй переманить
 Рабочника! Не шо, въ Приказъ Холопей.
 Ну, слыхано лъ хотъ при Царѣ Иванѣ
 Такое зло? А легче ли народу?
 Спроси его. Попробуй самозванецъ
 Имъ посулишь спаринный Юрьевъ день,
 Такъ и пойдешь попѣха.

Шуйский.

Правъ ты, Пушкинъ.
 * *

Но знаешь ли? Объ эпомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ.

Вѣспимо,

Знай про себя. Ты человѣкъ разумный;
Всегда съ тобой бесѣдовашъ я радъ,
И если чѣмъ меня подчасъ превожишъ,
Не вышерплю, чѣмъ не сказать тебѣ;
Къ шому жъ твой медъ, да бархатное пиво
Сегодня шакъ языкъ мнѣ развязали....
Прощай же, Князь.

Шуйский.

Прощай, братъ, до свиданья.

(Прощаетъ Пушкина.)

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ, *гертишъ Географическую карту.*

ЦАРЕВНА, МАМКА ЦАРЕВНЫ.

К с е н і я, *цалуетъ портретъ.*

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты доспался, не своей невѣстѣ, а шемной могилѣ, на чужой споронкѣ: никогда не упѣшусь, вѣчно по тебѣ буду пла-
кашь.

М а м к а.

И, Царевна! дѣвица плачешь, что роса падеть:
взойдешь солнце, росу высушить. Будешь у ше-
бя другой женихъ и прекрасный и привѣтливый.

Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

К се н і я.

Нѣпъ, мамушка, я и мершвому буду ему вѣрна.

(*Входитъ Борисъ.*)

Ц а р ь.

Что, Ксения? что, милая моя?

Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!

Все плачешь ты о мершвомъ женихѣ.

Дитя мое! судьба мнѣ не судила

Виновникомъ бытъ вашего блаженства.

Я, можешь бытъ, прогнѣвалъ небеса,

Я счастіе твое не могъ успроить;

Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?

А ты, мой сынъ, чѣмъ заняпъ? Это что?

Ѳ е од о р ь.

Чережъ земли Московской; наше царство

Изъ края въ край. Вопъ видишь: шупъ Москва,

Тупъ Новгородъ, шупъ Аспрахань. Вопъ море,

Вопъ Пермскіе дремучіе лѣса ,
А вонъ Сибирь.

Ц а р ь .

А эшо чпо шакое
Узоромъ здѣсь віешся ?

Ѳ е о д о р ь .

Эшо Волга.

Ц а р ь .

Какъ хорошо ! вонъ сладкій плодъ ученья !
Какъ съ облаковъ шы можешь обозрѣшь
Все царство вдругъ : границы , грады , рѣки .
Учись , мой сынъ : наука сокращаєшъ
Намъ опыты быстрые кущей жизни —
Когда нибудь , и скоро , можетъ бытъ ,
Всѣ обласпи , которыя шы нынѣ
Изобразилъ шакъ хипро на бумагѣ ,
Всѣ подъ руку доспанишся швою —
Учись , мой сынъ , и легче и яснѣе
Державный прудъ шы будешь поспигать .

(Входитъ Семенъ Годуновъ .)

Волть Годуновъ идешъ ко мнѣ съ докладомъ.

(Ксении) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;

Проспи, мой другъ; ушѣшь шебя Господь.

(Ксения съ мамкою уходитъ.)

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никипичъ?

Семенъ Годуновъ.

Нынче

Ко мнѣ, чѣмъ свѣтишь, дворецкій Князь-Василья

И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

Царь.

Ну.

Семенъ Годуновъ.

Пушкина слуга донесъ сперва,

Что поупру вчера къ нимъ въ домъ прѣхаль

Изъ Krakova гонецъ — и черезъ часъ

Безъ грамоты опосланъ быль обращено.

Царь.

Гонца схватишь.

Семенъ Годуновъ.

Ужъ послано въ догоню.

Ц а р ь.

О Шуйскомъ что?

С е м е н ъ Г о д у н о в ъ.

Вечёръ онъ угощалъ
 Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
 Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
 Да Пушкина — да нѣсколько другихъ;
 А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
 Наединъ съ хозяиномъ остался
 И долго съ нимъ бесѣдоваль еще.

Ц а р ь.

Сей часъ послать за Шуйскимъ.

С е м е н ъ Г о д у н о в ъ.

Государь!

Онъ здѣсь уже.

Ц а р ь.

Позвать его сюда.

(Годуновъ уходитъ.)

Ц а р ь.

Сношенія съ Липвою! эшо что?..

Прошибенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мяшежный,
А Шуйскому не должно довѣрять.
Уклончивый, но смѣлый и лукавый....

(Входитъ Шуйскій.)

Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

Царь.

Я слушаю тебя.

Шуйскій, тихо указывая на Феодора.

Но, Государь....

Царь.

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаешь Князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій.

Царь, изъ Липвы пришла намъ вѣсть....

Ц а р ь.

Не ша ли,

Что Пушкину привезъ вечёръ гонецъ.

Шуйскій.

Все знаешь онъ!... Я думалъ, Государь,

Что шы еще не вѣдаешь сей шайны.

Ц а р ь.

Нѣшь нужды, Князь: хочу сообразишь

Извѣстія; иначе не узнаемъ

Мы испини.

Шуйскій.

Я знаю шолько шо,

Что въ Krakовѣ явился самозванецъ,

И что Король и Паны за него.

Ц а р ь.

Что жъ говоряшь? Кто эшопъ самозванецъ?

Шуйскій.

Не вѣдаю.

Ц а р ь.

Но.... чѣмъ опасенъ онъ.

Шуйский.

Конечно, Царь: сильна швоя держава,
 Ты милоспью, радъиемъ и щедростой
 Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
 Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
 Измѣнчива, мяшежна, суевѣрна,
 Легко пустой надеждѣ предана,
 Мгновенному внушенію послушна,
 Для истины глуха и равнодушна,
 А баснями пипается она.
 Ей нравится безстыдная отвага;
 Такъ если сей невѣдомый бродяга
 Липовскую границу перейдетъ,
 Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
 Димитрія воскреснувшее имя.

Царь.

Димитрія!... какъ? эшого младенца?
 Димитрія!... Царевичъ, удались.

Шуйский.

Онъ покраснѣль: быть бурѣ!...

Θ в о д о ръ.

Государь,

Дозволишь ли

Ц а рь.

Нельзя, мой сынъ, поди.

(Θеодоръ уходитъ.)

Димитрія!

Шуйскій.

Онъ ничего не зналъ.

Ц а рь.

Послушай, Князь: взяшь мѣры сей же часъ;
Чтобъ опь Липзы Россія оградилась
Заспавами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ вороны
Не прилепѣль изъ Krakova. Ступай.

Шуйскій.

Иду.

Ц а рь.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть

Запѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
 Чтобъ мерпвые изъ гроба выходили
 Допрашивашь Царей, Царей законныхъ,
 Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
 Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ?
 Смѣшио? а? что? чпо жъ не смѣешься ты?

Шуйскій.

Я, Государь?...

Царь.

Послушай, Князь Василій:
 Какъ я узналь, чпо опрока сего....
 Чпо опрокъ сей лишился какъ-то жизни,
 Ты посланъ быль на слѣдствіе: теперъ
 Тебя Креспомъ и Богомъ заклинаю,
 По совѣсти мнѣ правду объяви:
 Узналь ли ты убишаго младенца
 И не было ль подмѣна? Отвѣтай.

Шуйскій.

Клянусь тебѣ....

Ц а р ь.

Нѣпъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: что быль Царевичъ!

Шуйскій.

Онъ.

Ц а р ь.

Подумай, Князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшой лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперЬ
Со мной хипришь, что головою сына
Клянусь — тебя постигнешь злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Опъ ужаса во гробѣ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь спрашна; спрашна твоя немилость;
Передъ тобой дерзну ли я лукавишь?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я прутъ его въ Соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ шуда сопровожденный.

Вокругъ него тринадцать шѣль лежало,
 Расперзанныхъ народомъ, и по нимъ
 Ужъ шѣнье примѣтно просипало,
 Но дѣлскій ликъ Царевича былъ ясенъ
 И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;
 Глубокая не запекалась язва,
 Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
 Нѣшь, Государь, сомнѣнья нѣшь: Димишрій
 Во гробѣ спишь.

Ц а р ь.

Довольно, удались. (*Шуйскій уходитъ.*)
 Ухъ, тяжело!... дай духъ переведу—
 Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицѣ
 Миѣ кинулась и тяжко опускалась....
 Такъ вопль зачѣмъ тринадцать лѣпъ мнѣ сряду
 Все снился убитое дитя!
 Да, да — вопль чѣпо! теперь я понимаю.
 Но кто же онъ, мой грозный супоспапъ?
 Кто на меня? Пустое имя, шѣнь—
 Уже ли шѣнь сорвешь съ меня порфиру,

Иль звукъ лишишъ дѣпей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй — и нѣшь его.
Такъ рѣшено: не окажу я страха —
Но презирать не должно ничего....
Охъ, пяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ и РАТЕР ЧЕРНИКОВСКІЙ.

С а м о з в а н е цъ.

Нѣшь , мой отецъ , не будеши запрудненій ;
 Я знаю духъ народа моего ;
 Въ немъ набожность не знаешь изспущенія ;
 Ему священъ примѣръ Царя его .
 Всегда , къ тому жъ , терпимость равнодушна .
 Ручаюсь я , что прежде двухъ годовъ
 Весь мой народъ и вся Воспочна Церковь
 Признаюшь власть Намѣстника Петра .

Р А Т Е В.

Вспомоществуй тебѣ святый Игнатій ,
 Когда придуши иных времена .

А между пѣмъ небесной благодати
 Таи въ душѣ, Царевичъ, съмена;
 Припворствовашь предъ оглашенніемъ свѣтомъ
 Намъ иногда духовный долгъ велишь;
 Твои слова, дѣянья судяшь люди,
 Намѣренъ единій видишъ Богъ.

С а м о з в а н е цъ.

Аmen. Кто шамъ! (*Входитъ слуга.*) Сказашь:

Мы принимаемъ.

(*Отворяются двери, входитъ толпа Русскихъ и Поляковъ.*)

Товарищи! мы выступаемъ завтра
 Изъ Krakova. Я, Мишекъ, у тебя
 Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
 Я знаю: твой гостепріимный замокъ
 И пышношью блестаешь благородной
 И славится хохайкой молодой.
 Прелестную Марину я надѣюсь
 Увидѣшь шамъ. А вы, мои друзья,
 Лишца и Русь, вы, брашкія знамена

**

Поднявшіе на общаго врага ,
На моего коварнаго злодѣя ,
Сыны Славянъ , я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны ,
Но между васъ я вижу новы лица.

Гаврила Пушкинъ.

Они пришли у милости швоей
Просить меча и службы.

Самозванецъ.

Радъ вамъ , дѣши.

Ко мнѣ друзья. Но кто скажи мнѣ , Пушкинъ ,
Красавецъ сей ?

Пушкинъ.

Князь Курбскій.

Самозванецъ , Курбскому.

Имя громко !

Ты родственникъ Казанскому Герою ?

Курбскій.

Я сынъ его.

С а м о з в а н е ц ъ.

Онъ живъ еще?

К у р ь с к и й.

Нѣшъ, умеръ.

С а м о з в а н е ц ъ.

Великій умъ! мужъ бишвы и совѣща!

Но съ шой поры, когда являлся онъ,

Своихъ обидъ ожесточенный мспицель,

Съ Липовцами подъ вешхій городъ Ольгинъ,

Молва объ немъ умолкла.

К у р ь с к и й.

Мой отецъ

Въ Волыніи провелъ осшапокъ жизни,

Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему

Башоріемъ. Уединенъ и тихъ,

Въ наукахъ онъ искалъ себѣ оправды;

Но мирный шрудъ его не упѣшалъ:

Онъ юноши своей опчизну помнилъ

И до конца по ней онъ посковалъ.

С а м о з в а н е цъ.

Несчастный вождь! какъ ярко просиялъ
 Восходъ его шумящей, бурной жизни.
 Я радуюсь, великородный вишнязъ,
 Что кровь его съ отечествомъ мирился;
 Вины ощевъ не должно вспоминашь;
 Миръ гробу ихъ! Приближься, Курбскій... Руку!
 Не странно ли? сынъ Курбскаго ведешь
 На шронъ, кого? да — сына Иоанна!...
 Все за меня: и люди и судьба.
 Ты кто такой?

П о л я къ.

Собаньскій, шляхтичъ вольный.

С а м о з в а н е цъ.

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
 Впередъ ему трепѣть жалованья выдать.
 Но эши кто? я узнаю на нихъ
 Земли родной одежду. Это наши.

Х р у щ о въ бѣтъ геломъ.

Такъ, Государь, отецъ нашъ. Мы швои

Усердные, гонимые холопья.
 Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
 Къ тебѣ, нашъ Царь — и за тебя гоповы
 Главами лечь, да будуть наши шрупы
 На Царской тронъ спушенными тебѣ.

Самозванецъ.

Мужайтесь, безвинные спрадальцы —
 Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
 А памъ Борисъ разпланился во всемъ,
 Ты кто?

Карела.

Козакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
 Опъ вольныхъ войскъ, опъ храбрыхъ Ашмановъ,
 Опъ Козаковъ верховыхъ и низовыхъ
 Узрѣть твои Царевы ясны очи
 И кланяться тебѣ ихъ головами.

Самозванецъ.

Я зналъ Донцѣвъ: не сомнѣвался видѣть
 Въ своихъ рядахъ Козачьи бунчуки.
 Благодаримъ Донское наше войско.

Мы вѣдаемъ, что нынѣ Козаки
 Неправедно пригѣснены, гонимы;
 Но если Богъ поможетъ намъ вспушишь
 На шроинъ опцѣвъ, то мы по спаринѣ
 Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

Поэтъ (*приближается, кланяясь низко
 и хватал Гришку за полу*).

Великій Принцъ, Свѣплѣйшій Королевичъ!

Самозванецъ.

Что хочешь ты?

Поэтъ подаетъ ему бумагу.

Примише благосклонно
Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

Самозванецъ.

Что вижу я? Лапинскіе стихи!
 Стократъ священъ союзъ меча и лиры;
 Единый лавръ ихъ дружно обвиваешь.
 Родился я подъ небомъ полунощнымъ,
 Но мнѣ знакомъ Лапинской Музы голосъ,
 И я люблю Парнасскіе цветы.

Я вѣрую въ пророчества Піицковъ.
 Нѣпъ, не вонще въ ихъ пламенной груди
 Кипитъ воспоргъ : благословившія подвигъ,
 Его жь они прославили заранѣ !
 Приближься, другъ. Въ мое воспоминанье
 Прими сей даръ. (*Дастъ ему перстень*).

Когда со мной свершился
 Судьбы завѣпъ, когда корону предковъ
 Надѣну я ; надѣюсь вновь услышать
 Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.

Musa gloriam coronat, gloriaque musam.

И шакъ, друзья, до завтра, до свиданья.

В с ъ.

Въ походъ, въ походъ ! Да здравствуетъ Димитрій,
 Да здравствуетъ Великій Князь Московскій !

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ.

(Рядъ освѣщенныхъ комнатъ. Музыка).

ВИШНЕВЕЦКІЙ, МНИШЕКЪ.

Мнишекъ.

Онь говорить съ одной моей Мариной,

Мариною одною заняпть онъ...

А дѣло-то на свадьбу спрахъ похоже.

Ну — думаль ты, признайся, Вишневецкій,

Чпо дочь моя Царицей будешъ? а?

Вишневецкій.

Да, чудеса... и думаль ли ты, Мнишекъ,

Чпо мой слуга взойдешь на пронъ Московской?

Мишикъ.

А какова, скажи, моя Марина?

Я только ей промолвилъ: ну, смотри!

Не упсакай Димишрія!... и вонъ

Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣняхъ.

(*Музыка играетъ Польской. Самозванецъ идетъ съ Мариною въ первой парѣ.*)

Марина тихо Димитрю.

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,

Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана.

(*Расходятся. Другая пара.*)

Кавалеръ.

Что въ ней нашелъ Димишрій?

Дама.

Какъ! она

Красавица.

Кавалеръ.

Да, мраморная Нимфа:

Глаза, успа безъ жизни, безъ улыбки...

(*Новая пара*).

Д а м а.

Онь не красивъ, но видъ его пріятенъ,

И Царская порода въ немъ видна.

(*Новая пара*).

Д а м а.

Когда жь походъ?

К а в а л е ръ.

Когда велишъ Царевичъ,

Гоповы мы; но видно, Панна Мнишекъ

Съ Димишріемъ задержишъ нась въ плѣну.

Д а м а.

Пріятный плѣнъ.

К а в а л е ръ.

Конечно, если вы...

(*Расходятся; комнаты пустѣютъ*).

М нишекъ.

Мы спарики ужъ нынче не танцуемъ,

Музыки громъ не призываешъ нась,

Прелеспныхъ рукъ не жмемъ и не цалуемъ,

Охъ , не забылъ сшаринныхъ я проказъ !
 Теперь не то , не то , что прежде было !
 И молодежь ей ей не такъ смѣла
 И красота не такъ ужъ весела ,
 Признайся , другъ : все какъ - то пріуныло .
 Оспавимъ ихъ ; пойдемъ , товарищъ мой ,
 Венгерского , обросшую правой ,
 Велимъ опрысь бушылку вѣковую ,
 Да въ уголку пошнянемъ - ко вдвоемъ
 Душистый покъ , спрую , какъ жиръ , гусшую ,
 А между пѣмъ посудимъ кой о чёмъ .
 Пойдемъ же , братъ .

В и ш н е в е ц к и й .

И дѣло , другъ , пойдемъ .

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

С а м о з в а н е цъ в х о д и тъ.

Вопль и фонтањ; она сюда придетъ.
 Я, кажешся, рожденъ не боязливымъ;
 Передъ собой вблизи видаль я смерпъ;
 Предъ смерпю душа не содрагалась.
 Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
 За мной гнались — я духомъ не смущился
 И дерзоспью неволи избѣжалъ.
 Но чпо жъ теперь шѣснишъ мое дыханье?
 Чпо значишъ сей неодолимый трепетъ?
 Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
 Нѣпъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
 Я тайного свиданія съ Мариной,
 Обдумывалъ все то, что ей скажу,
 Какъ обольщу ея надменный умъ,
 Какъ назову Московскою Царицей —

Но часъ насталъ — и ничего не помню ;
 Не нахожу запверженыхъ рѣчей ;
 Любовь мущинъ мое воображенье . . .
 Но что - то вдругъ мелькнуло . . . шорохъ . . . пише . . .
 Нѣшь , это свѣтъ обманчивой луны ,
 И прошумѣль здѣсь вѣперокъ.

М а р и н а *входитъ.*

Царевичъ !

С а м о з в а н е цъ.

Она ! .. Вся кровь во мнѣ остановилась.

М а р и н а.

Димитрій ! Вы ?

С а м о з в а н е цъ.

Волшебный , сладкій голосъ !

(Идетъ къ ней) Ты ль наконецъ ? Тебя ли вижу я ,

Одну со мной , подъ сѣнью тихой ночи ?

Какъ медленно кашился скучный день !

Какъ медленно заря вечерня гасла !

Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ !

М А Р И Н А.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время —
 Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
 Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
 Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
 Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
 Съ твоей судьбой и бурной и невѣрной
 Соединить судьбу мою; то виравъ
 Я требовать, Димитрій, одного:
 Я требую, чтобъ ты души своей
 Мнѣ пайныя открыль теперь надежды,
 Намѣренья и даже опасенья;
 Чтобъ обѣ руку съ тобой могла я смѣло
 Пуспиться въ жизнь — не съ дѣтской слѣпотой,
 Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
 Наложница безмолвная швоя;
 Но какъ тебя достойная супруга,
 Помощница Московскаго Царя.

С а м о з в а н е цъ.

О, дай забыть хощь на единий часъ

Моей судьбы заботы и тревоги!
 Забудь сама, что видишь предъ собой
 Царевича. Марина! зри во мнѣ
 Любовника, избраннаго шобою,
 Щастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
 О, выслушай моленія любви!
 Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

М а р и н а.

Не время, Князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
 Приверженность твоихъ клевретовъ спынеть;
 Часъ опѣ часу опасность и труды
 Становящаяся опасный и труднѣе;
 Ужъ носятся сомнительные слухи,
 Ужъ новизна смѣняешь новизну;
 А Годуновъ свои приемлемъ мѣры....

С а м о з в а н е цъ.

Что Годуновъ? во власти ли Бориса
 Твоя любовь, одно мое блаженство?
 Нѣпть, нѣпть. Теперь гляжу я равнодушно
 На тронъ его, на Царственную власть.

Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
 И славы блескъ, и Русская держава?
 Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
 Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону;
 Твоя любовь...

М а р и н а.

Стыдись! не забывай
 Высокаго, свяшаго назначенья:
 Тебѣ швой санъ дороже долженъ бысть
 Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
 Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнясть.
 Не юношѣ кипящему, безумно
 Плѣненному мою красопой,
 Знай, отдаю торжественно я руку
 Наслѣднику Московскаго престола,
 Царевичу, спасенному судьбой.

С а м о з в а н е цъ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
 Не говори, что санъ, а не меня
 Избрала ты. Марина! ты не знаешь,

Какъ больно шѣмъ ты сердце мнѣ язвиши —
 Какъ ! ежели... о спрашное сомнѣніе !
 Скажи : когда бъ не Царское рожденіе
 Назначила слѣпая мнѣ судьба ,
 Когда бъ я былъ не Иоанновъ сынъ ,
 Не сей , давно забытый міромъ отрокъ ;
 Тогда бъ... тогда бъ любила ль ты меня ?

М а р и н а.

Димишрій , ты и бысть инымъ не можешь ;
 Другаго мнѣ любить нельзя .

С а м о з в а н е цъ.

Нѣшь ! полно :

Я не хочу дѣлиться съ мершвецемъ
 Любовницей , ему принадлежащей :
 Нѣшь , полно мнѣ пришворствовать ! скажу
 Всю испину ; шакъ знай же : швой Димитрій
 Давно погибъ , зарытъ — и не воскреснетъ ;
 А хочешь ли ты знать , кто я шаковъ ?
 Изволь , скажу : я бѣдный черноризецъ ;
 Монашеской неволею скучая ,

★ ★

Подъ клобукомъ свой замысль отважный
 Обдумалъ я; гоповилъ міру чудо —
 И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
 Къ Украинцамъ въ ихъ буйные курени;
 Владѣшь конемъ и саблей научился;
 Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался
 И Поляковъ безмозглыхъ обмануль.
 Что скажешь ты, надменная Марина?
 Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
 Что жъ ты молчишь?

М а р и на.

О спыдъ! о горе мнѣ!

(*Молганіе*).

С а м о з в а н е цъ (*тихо*).

Куда завлекъ меня порывъ досады!
 Съ шакимъ прудомъ устроенное щасіе
 Я, можешь быть, навѣки погубиль.
 Что сдѣлалъ я, безумецъ? (*Вслухъ*). Вижу, вижу:
 Спыдишься ты не Княжеской любви;
 Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;

Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба,
Рѣши: я жду (*бросается на колѣна*).

М арина.

Вспань, бѣдный самозванецъ.

Не мнишь ли ты колѣнопреклоненемъ,
Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой
Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я Рыцарей и Графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣглаго монаха...

Самозванецъ (встаетъ).

Не презирай младаго самозванца;
Въ немъ доблести шаялся, можешь бысть,
Достойныя Московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной...

М арина.

Достойныя позорной пепли, дерзкій!

Самозванецъ.

Виновень я; гордыней обуянный,

Обманывалъ я Бога и Царей,
 Я міру лгалъ: но не тебѣ, Марина,
 Меня казнишь; я правъ передъ тобою.
 Нѣпть, я не могъ обманывать тебя.
 Ты мнѣ была единственной святыней,
 Предъ ней же я пришворствовашъ не смѣль:
 Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
 Одна любовь принудила меня
 Все высказать.

М а р и на.

Чѣмъ хвалишся, безумецъ!
 Кто требовалъ признанья швоего?
 Ужъ если ты, бродяга безымянный,
 Могъ ослѣпить чудесно два народа;
 Такъ долженъ ужъ, покрайней мѣрѣ, ты
 Достоинъ бысть успеха своего
 И свой обманъ отважный обезпечиши
 Упорною, глубокой, вѣчной пайной.
 Могу ль, скажи, предаться я тебѣ,
 Могу ль, забывъ свой родъ и спыдъ дѣвичій,

Соединишь судьбу мою съ пвоею,
 Когда ты самъ съ такою престопой,
 Такъ вѣпрено позоръ свой обличаешь?
 Онъ изъ любви со мною проболтался!
 Дивлюся: какъ передъ моимъ отцемъ
 Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
 Опль радости предъ нашимъ Королемъ,
 Или еще предъ Паномъ Вишневецкимъ
 Изъ вѣрнаго усердія слуги.

С А М О З ВА Н Е ЦЪ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
 Ты вымучишь одна могла признанье.
 Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
 Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
 Ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ,
 Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ испытаний,
 Сихъ тяжкихъ пайнъ не выдастъ мой языкъ.

М А Р И Н А.

Клянешься ты! и такъ должна я вѣришь.
 О вѣрю я! Но чѣмъ, не льзя ль узнать,

Клянешься ты? не именемъ ли Бога ,
 Какъ набожный пріемышъ Езуицовъ ?
 Иль чеспю , какъ вишязь благородный ,
 Иль , можетъ бышь , единимъ Царскимъ словомъ,
 Какъ Царскій сынъ? не такъ ли? говори.

Димитрій, гордо.

Тѣнь Грознаго меня усыновила ,
 Димишріемъ изъ гроба нарекла ,
 Вокругъ меня народы возмущила
 И въ жершу мнѣ Бориса обрекла.
 Царевичъ я. Довольно , спыдно мнѣ
 Предъ гордою Полячкой унижаться.
 Прощай на вѣкъ: игра войны кровавой ,
 Судьбы моей обширныя заботы
 Тоску любви , надѣюсь , заглушашъ.
 О , какъ шебя я сшану ненавидѣшь ,
 Когда пройдешь поспыдной спрасти жарь .
 Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
 Мою главу въ Россіи ожидаешь ,
 Найду ли смерть , какъ воинъ въ бишвѣ чеспной ,

Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной ,
 Не будешь ты подругою моей ,
 Моей судьбы не раздѣлишь со мною ;
 Но , можетъ бысть , ты будешь сожалѣть
 Объ участии , опровергнутой штобою .

М а р и н а .

А если я твой дерзостный обманъ
 За ранѣе предъ всѣми обнаружу ?

С а м о з в а н е цъ .

Не мнишь ли ты , что я тебя боюсь ?
 Что болѣе повѣряшь Польской дѣвѣ ,
 Чѣмъ Русскому Царевичу ? Но знай ,
 Что ни Король , ни Папа , ни вельможи
 Не думаюшь о правдѣ словъ моихъ .
 Димиштрай я , иль иѣшь — что имъ за дѣло ?
 Но я предлогъ раздоровъ и войны .
 Имъ эшо лишь и нужно : и тебя ,
 Мяшежница , повѣрь , молчашь заспавшъ .
 Прощай .

М А Р И Н А.

Поспой, Царевичъ. Наконецъ

Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.

Съ тобою, Князь, она меня миришъ.

Безумный твой порывъ я забываю

И вижу вновь Димитрія. Но слушай:

Пора, пора! проснись, не медли болѣ,

Веди полки скорѣе на Москву;

Очисти Кремль, садись на пронь Московскій —

Тогда за мнай шли брачнаго посла;

Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога

Но оперлась на пронныя ступени,

Пока твой не сверженъ Годуновъ,

Любви рѣчей не буду слушать я. (*Уходитъ*).

С А М О З ВА Н Е ЦЪ.

Нѣпъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,

Или хитришъ съ придворнымъ Езуишомъ,

Чѣмъ съ женщиной. Чёрпъ съ ними; мочи нѣпъ:

И пушаепъ, и въепся, и ползешъ,

Скользишъ изъ рукъ, шипишъ, грозишъ и жалишъ.

Змѣя! змѣя!... Недаромъ я дрожалъ.

Она меня чупь чупь не погубила.

Но рѣшено: заупра двину рапъ.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

КНЯЗЬ КУРБСКИЙ и САМОЗВАНЕЦЪ , оба верхами. Полки приближаются къ границѣ.

Курбский , прискакавъ первый .

Вонъ , вонъ она , вонъ Русская граница !

Свяшая Русь ! Опечесиво ! я швой !

Чужбины прахъ съ презрѣньемъ оправхаю

Съ моихъ одеждъ , пью жадно воздухъ новый :

Онъ мнѣ родной ! теперь швоя душа ,

О мой отецъ , ушѣшилась и въ гробѣ .

Опальныя возврадующія кости !

Блеснуль опять наследственныи нашъ мечъ ,

Сей славный мечъ — гроза Казани шемной ,

Сей добрый мечъ — слуга Царей Московскихъ !

Въ свое мъниру теперъ онъ загуляешьъ

За своего надѣжу - Государя!...

Самозванецъ, вдѣтъ тихо съ поникшей головой.

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа

Въ немъ радосью и славой разыгралась!

О випязъ мой, завидую шебѣ!

Сынъ Курбскаго, воспишанный въ изгнаныи,

Забывъ, ощемъ снесенные обиды,

Его вину за гробомъ искупивъ,

Ты кровь излиши за сына Іоанна

Гоповишился, законнаго Царя

Ты возвратишь отеческву... ты правъ,

Душа швоя должна пылать весельемъ.

Курбский.

Уже ль и ты не веселишишься духомъ?

Вотъ наша Русь: она швоя, Царевичъ.

Тамъ ждуши шебя сердца швоихъ людей:

Твоя Москва, швой Кремль, швоя держава.

Самозванецъ.

Кровь Русская, о Курбскій, помечепъ!

Вы за Царя подъяли мечъ, вы чисты.
Я жь васъ веду на братъевъ; я Липшу
Позваль на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣшнюю дорогу!
Но пуспь мой грѣхъ паде путь не на меня,
А на шебя, Борисъ-цареубійца!
Впередъ!

Курбскій.

Впередъ! и горе Годунову!

(Скажутъ. Полки переходятъ терезъ границу.)

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРИАРХЪ и БОЯРЕ.

Ц а р ь.

Возможно ли? разсприга, бѣглый инокъ
 На насъ ведеши злодѣйскія дружины,
 Дерзаешь намъ писать угрозы! Полно,
 Пора смиришь безумца! Поѣзжайше,
 Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помошь
 Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ.
 Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ.
 Спасайше градъ и гражданъ.

Б а с м а н о въ.

Государь,

Трехъ мѣсяцевъ опынѣ не пройдешъ,
 И замолчишь и слухъ о самозваниѣ;

Его въ Москву мы привеземъ , какъ звѣря
Заморскаго , въ желѣзной клѣпкѣ . Богомъ
Тебѣ клянусь . (*Уходитъ съ Трубецкимъ*).

Ц А Р Ъ.

Мнѣ Свейскій Государь
Черезъ Пословъ союзъ свой предложилъ ;
Но не нужна намъ чуждая помога ;
Своихъ людей у насъ довольно рапныхъ ,
Чтобъ опразиши измѣнниковъ и Ляха .

Я отказалъ .

Щелкаловъ ! разослашь
Во все концы Указы къ Воеводамъ ,
Чтобъ на коня садились , и людей
По спаринѣ на службу высылали ;
Въ монастыряхъ подобно ошобрашь
Служителей причешныхъ . Въ прежни годы ,
Когда бѣдой отчеспву грозило ,
Опшельники на бишву сами шли ;
Но не хопимъ превожишь нынѣ ихъ ;
Пусть молятся за насъ они : таковъ

Указъ Царя и приговоръ Боярскій.

Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ :
 Вы знаете, что наглый Самозванецъ
 Коварные промчаль повсюду слухи ;
 Повсюду имъ разосланныя письма
 Посыпали тревогу и сомнѣнья ;
 На площадяхъ мятежный бродилъ шёпотъ ,
 Умы кипяшъ . . . ихъ нужно осудить ;
 Предупредить желалъ бы казни я ,
 Но чѣмъ и какъ ? рѣшимъ теперь. Ты первый ,
 Святый Отецъ , свою повѣдай мысль.

ПАТРИАРХЪ.

Благословенъ Всевышній , поселившій
 Духъ милоспи и крошкаго терпѣнья
 Въ душѣ твоей , великій Государь ;
 Ты грѣшному погибели не хочешь ,
 Ты тихо ждешь , да пройдетъ заблужденье :
 Оно пройдетъ и солнце правды вѣчной
 Всѣхъ озаритъ.

Твой вѣрный богомолецъ ,

Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаєшъ днесь подать твой голосъ:
Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыши умѣль Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именемъ Царевича, какъ ризой
Украденою, безстыдно облачился:
Но споиши лишь ее раздрать — и самъ
Онъ наготой своею посрамился.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаєшъ:
Знай, Государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тошъ самый годъ, когда твой Господь
Благословилъ на Царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой паспухъ, уже маслипый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ шайну:

« Въ младыхъ лѣтахъ, сказалъ онъ, я ослѣпъ,
« И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
« До спроси: напрасно я лечился
« И зеліемъ и шайнымъ нашептаньемъ
« Напрасно я ходилъ на поклоненіе

« Въ обищели къ великимъ Чудошворцамъ ;
 « Напрасно я изъ кладязей святыхъ
 « Кропиль водой цѣлебной шемны очи —
 « Не посыпалъ Господь мнѣ изцѣленья.
 « Вонъ наконецъ упрашилъ я надежду,
 « И къ шмѣ своей привыкъ , и даже сны
 « Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли ,
 « А снилися мнѣ только звуки. Разъ
 « Въ глубокомъ снѣ , я слышу , дѣпскій голосъ
 « Мнѣ говоришъ : вспашь , дѣдушка , поди
 « Ты въ Угличъ-градъ , въ Соборъ Преображенья ;
 « Тамъ помолись ты надъ моей могилой ,
 « Богъ милоспивъ — и я тебя прощу .
 « Но кто же ты ? спросиль я дѣпскій голосъ .
 « Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
 « Пріялъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ ,
 « И я теперъ великий Чудошворецъ .
 « Иди , спарикъ . — Проснулся я и думалъ :
 « Что жъ ? можетъ бытъ и въ самомъ дѣлѣ , Богъ
 « Мнѣ позднее даруешь изцѣленье .

★ *

« Пойду — и въ путь опправился далекій.

« Вопь Углича достигъ я, прихожу

« Въ свяштый Соборъ, и слушаю обѣдню,

« И, разгорясь душёй усердной, плачу,

« Такъ сладоснно, какъ будто слѣпота

« Изъ глазъ моихъ слезами вышекала.

« Когда народъ спалъ выходишь, я внуку

« Сказаль: Иванъ, веди меня на гробъ

« Царевича Димитрія. И мальчикъ

« Повель меня — и шолько передъ гробомъ

« Я шихую молитву сопворилъ,

« Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ

« И Божій свѣпъ, и внука, и могилку. »

Вопь, Государь, что мнѣ повѣдалъ спарецъ.

(*Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ*

нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ.)

Я посымалъ тогда нарочно въ Угличъ,

И свѣдано, что многіе спрадальцы

Спасеніе подобно обрѣшали

У гробовой Царевича доски.

Вопль мой совѣшъ: во Кремль святыя мощи
 Перенесши, поспавиши ихъ въ Соборѣ
 Архангельскомъ; народъ увидишъ ясно
 Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
 И мощь бѣсовъ исчезнешъ яко прахъ.

(*Молганіе.*)

Князь Шуйский.

Святый Опецъ, кшо вѣдаешъ пущи
 Всевышняго? Не мнѣ его судишь.
 Неплѣнныи сонъ и силу чудошворства
 Онъ можетъ дашь младенческимъ османкамъ,
 Но надлежишъ народную молву
 Изслѣдовашь прилѣжно и безспрасно;
 А въ бурныя ль смятеній времена
 Намъ помышлять о споль великому дѣлѣ?
 Не скажушъ ли, чшо мы святыню дерзко
 Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ шворимъ?
 Народъ и шакъ колеблешся безумно,
 И шакъ ужъ ешь довольно шумныхъ шолковъ:
 Умы людей не время волновать

Нежданою , споль важной новизною.

Самъ вижу я : необходимо слухъ
 Разсѣянный разспригой уничтожишь ;
 Но есть на то иныя средства — проще.
 Такъ , Государь , когда изволишь ты ,
 Я самъ явлюсь на площади народной ,
 Уговорю , усовѣщу безумство
 И злой обманъ бродяги обнаружу.

Ц а р ь .

Да будешъ шакъ ! Владыка Патріархъ ,
 Прошу шебя пожаловать въ палату :
 Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ ; за нимъ и всѣ болре.)

Одинъ Бояринъ , тихо другому.

Замѣшиль ты , какъ Государь блѣднѣль
 И крупный попъ съ лица его закапаль ?

Другой.

Я — признаюсь — не смѣль поднять очей ,
 Не смѣль вздохнуть , не только шевелись .

П Е Р В Ы Й.

А выручилъ Князь Шуйскій. Молодецъ !

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА СЪВЕРСКАГО.

(1604 года, 21 Декабря.)

Б И Т В А.

Воины, бѣгутъ въ безпорядкѣ.

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вопь они! вопь они!

(Входяще Капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ.)

МАРЖЕРЕТЬ.

Куда, куда? Allons... пошёль назадъ!

О динъ изъ вѣглѣцѣвъ.

**Самъ пошёль , коли есть охопа , проклятый
басурманъ.**

М А Р Ж Е Р Е ТЪ.

Quoi ? quoi ?

Д р у г о й .

**Ква ! ква ! шебѣ любо , лягушка заморская ,
квакашь на Русскаго Царевича ; а мы вѣдь пра-
вославные.**

М А Р Ж Е Р Е ТЪ.

**Qu'est-ce à dire *pravoslavni?*... Sacrés gueux ,
maudite canaille ! Mordieu , mein Herr , j'enrage :
en dirait que ca n'a pas de bras pour frapper ,
ça n'a que des jambes pour fuir .**

В. Розенъ.

Es ist Schande.

М А Р Ж Е Р Е ТЪ.

**Ventre-saint-gris ! Je ne bouge plus d'un pas ;
puisque le vin est tiré , il faut le boire . Qu'en
dites vous , mein Herr ?**

B. Розенъ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЪ.

Diable, il y fait chaud ! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

B. Розенъ.

За.

МАРЖЕРЕТЪ.

Hé ! voyez donc, voyez donc ! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

B. Розенъ.

Sch glaube das.

(*Входя в Немцы.*)

МАРЖЕРЕТЪ.

Ha, ha ! voici nos Allemands. Messieurs ! Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons !

В. Розень.

Sehr gut. Halt!

(*Немцы строятся.*)

Marsch!

Немцы, идутъ.

Hilf Gott!

(*Сражение. Русские снова бегутъ.*)

Ляхи.

Побѣда! побѣда! Слава Царю Димитрію!

Димитрій, верхомъ.

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите Русскую кровь. Отбой!

(*Трубятъ; бьютъ барабаны.*)

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

Н А Р О ДЪ.

О д и нъ.

С коро ли Царь выйдешъ изъ Собора?

Д р у г о й.

Обѣдня кончилась; шеперь идешъ молебствie.

П е р в ы й.

Что? ужъ проклинали шого?

Д р у г о й.

Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ Дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ — анаема!

П е р в ы й.

Пускай себѣ проклинають; Царевичу дѣла нѣть до Отрепьева.

Д р у г о й.

А Царевичу поюшь теперь вѣчную память.

П е р в ы й.

Вѣчную память живому! Вонъ ужѣ имъ будешьъ безбожникамъ.

Т р е т ی й.

Чу! шумъ. Не Царь ли?

Ч е т в е р т ы й.

Нѣтъ, эшо Юродивый.

(*Входитъ Юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшенный веригами, окруженный мальчишками.*)

М а л ь ч и ш к и.

Желѣзный колпакъ! Желѣзный колпакъ!... пр
р р р . . .

С т а р у х а.

Ошвяжись опь него, бѣсеняша. Помолись,
блаженный, за меня грѣшнью:

Ю р о д и в ы й.

Дай, дай, дай копѣечку.

С Т А Р У Х А.

Вопь тебѣ копѣчка ; помяни же меня.

Юродивый, садится на землю и поетъ.

Мѣсяцъ Ѣдеть ,

Кошенокъ плачетъ ,

Юродивый, всшавай ,

Богу помолися !

(*Мальчишки окружаютъ его снова.*)

О динъ изъ нихъ.

Здравствуй , Юродивый , что же ты шапки
не снимаешь ? (*Щелкаетъ его по желѣзной шап-
кѣ.*) Экъ она звонишъ !

Ю р о д и в ы й .

А у меня копѣчка есть.

М а л ь ч и ш к а .

Неправда , ну , покажи .

(*Вырываетъ копѣтку и убѣгаєтъ.*)

Ю р о д и в ы й , п л а г е тъ .

Взяли мою копѣчку , обижаюшъ Юродиваго .

Народъ.

Царь, Царь идеть.

(*Царь выходитъ изъ Собора; Бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре.*)

Юродивый.

Борисъ, Борисъ! мальчишки обижаюшъ Юродиваго.

Царь.

Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

Юродивый.

Мальчишки меня обижаюшъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзаль ты маленькаго Царевича.

Бояре.

Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

Царь.

Оспавьте его. Молись за меня, Юродивый.

(*Уходитъ.*)

Юродивый, ему вслѣдъ.

Нѣшь, нѣшь! нельзя молиться за Царя Ирода — Богородица не велишь.

С Т В С К Ъ.

С А М О З ВА НЕ ЦЪ, *окруженный своими.*

С А М О З ВА НЕ ЦЪ.

Где плѣнникъ?

Л я х ъ.

Здѣсь.

С А М О З ВА НЕ ЦЪ.

Позвать его ко мнѣ.

(Входитъ Русскій плѣнникъ.)

Кто ты?

Плѣнникъ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

С А М О З ВА НЕ ЦЪ.

Давно ли ты на службѣ?

Плѣникъ.

Съ мѣсяцъ будеъ.

Самозванецъ.

Не совѣсно, Рожновъ, что на меня

Ты поднялъ мечъ?

Плѣникъ.

Какъ бысть, не наша воля.

Самозванецъ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

Плѣникъ.

Я прибыль

Недѣли двѣ по биѣ изъ Москвы.

Самозванецъ.

Что Годуновъ?

Плѣникъ.

Онъ очень быль вспревожень

Потерею сраженія и раной

Мстиславскаго, и Шуйскаго послаль

Начальствовашь надъ войскомъ.

Самозванецъ.

А зачѣмъ

Онъ опозвалъ Басманова въ Москву?

Плѣнникъ.

Царь наградилъ его заслуги честью

И золопомъ. Басмановъ въ Царской Думѣ

Теперь сидишъ.

Самозванецъ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.

Ну, что въ Москвѣ?

Плѣнникъ.

Все, слава Богу, тихо.

Самозванецъ.

Что? ждутъ меня?

Плѣнникъ.

Богъ знаешь; о тебѣ

Тамъ говоришь не слишкомъ нынче смѣютъ.

Кому языкъ отрѣжутъ, а кому

И голову. Такая право припча,

Что день, что казнь. Тюрмы биткомъ набиты.

На площади, гдѣ человѣка три
Сойдется — глядь — лазутчикъ ужъ и въется,
А Государь досужною порою
Доносчиковъ допрашиваешь самъ.
Какъ разъ бѣда; шакъ лучше ужъ молчашь.

Самозванецъ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
Ну, войско чѣпо?

Плѣнникъ.

Чѣпо съ нимъ? одѣло, сыто,
Довольно всѣмъ.

Самозванецъ.

Да много ли его?

Плѣнникъ.

Богъ вѣдаешь.

Самозванецъ.

А будешь пысять тридцать?

Плѣнникъ.

Да наберешь и тысячу пятьдесятъ.

★ *

(Самозванецъ задумывается; окружающие смотрятъ другъ на друга.)

С а м о з в а н е цъ.

Ну! обо мнѣ какъ судяшъ въ вашемъ станѣ?

П л ъ н и къ.

А говоряшъ о милости швоей,

Что ты-дескашь (будь не во гнѣвѣ) и воръ,

А молодецъ.

С а м о з в а н е цъ , смѣясь.

Такъ это я на дѣлѣ

Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать

Мы Шуйского; я поздравляю васъ:

Назавтра бой. (Уходитъ.)

В с ъ.

Да здравствуетъ Димитрій!

Л я х ъ.

Назавтра бой! ихъ тысячи пятьдесятъ,

А насъ всего едва ль пяцнадцать тысячъ:

Съ ума сошелъ.

Другой.

Пустое, другъ: Полякъ

Одинъ пяшь сопъ Москалей вызвать можешь.

Плѣнникъ.

Да, вызовешь! а какъ дойдешь до драки,

Такъ убѣжишь опъ одного, хваспунъ.

Лахъ.

Когда бъ ты былъ при сабль, дерзкій плѣнникъ,

То я шебя (*указывая на свою саблю*)

Вопъ эпимъ бы смириль

Плѣнникъ.

Нашъ брашь Русакъ безъ сабли обойдется:

Не хочешь ли вонъ эпаго (*показывая кулакъ*),

Безмозглый.

(*Лахъ гордо смотритъ на него и молга отходитъ. Всѣ смѣются.*)

Л Ъ С Ъ.

ЛЖЕДИМИТРИЙ, ПУШКИНЪ.

(*Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій.*)

Лжедимитрій.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня.

Мой бѣдный конь.

Пушкинъ, про себя.

Ну, вонъ о чемъ жалѣешь,
Объ лошади! когда все наше войско
Побито въ прахъ!

Самозванецъ.

Послушай, можешь быть,
Опь раны онъ лишь только заморился
И опдохнешь.

Пушкинъ.

Куда! онъ издыхаешь.

Самозванецъ, идеть къ своему коню.
Мой бѣдный конь!... чѣо дѣлашь? снять узду,
Да опснегнушь подпругу. Пусть на волѣ
Издохнешь онъ.

(Разуздываетъ и разстѣлываетъ коня. Входитъ нѣсколько Ляховъ.)

Здорово, господа!

Чѣо жь Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣль, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; шмы сабель молодца,
Чѣо зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ:
Гдѣ жь випязь мой?

Л я х ъ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

С а м о з в а н е цъ.

Чеспь храброму и миръ его душѣ!

Какъ мало нась отъ битвы уцѣлѣло!

Измѣнники, злодѣи Запорожцы,

Прокляшые! вы, вы сгубили нась.

Не выдержашь и трехъ минутъ отпора!

Я ихъ ужѣ: десятаго повѣшъ,

Разбойники!

П у ш к и н ъ.

Кто шамъ ни виновашь,

Но все таки мы начисто разбили,

Испреблены.

С а м о з в а н е цъ.

А дѣло было наше,

Я было сняль передовую рать —

Да Нѣмцы нась порядкомъ опраздили;

А молодцы! ей Богу, молодцы!

Люблю за то; изъ нихъ ужъ непремѣнно

Составлю я почтную дружину.

Пушкинъ.

А гдѣ-шо намъ сегодня ночевашь?

Самозванецъ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ эшо не ночлегъ?

Чѣмъ свѣшь, мы въ пушь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.

Спокойна ночь. (*Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ.*)

Пушкинъ.

Пріятный сонъ, Царевичъ!

Разбившій впрахъ, спасаяся побѣгомъ,

Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя:

Хранишь его конечно Провидѣнье;

И мы друзья не спанемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

Ц А Р Ъ.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ шомъ?
 Мы щещеною побѣдой увѣнчались.
 Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
 И намъ со спѣнь Пушивля угрожаешь.
 Что дѣлають межъ пѣмъ герои наши?
 Стояпъ у Кромъ, гдѣ кучка Козаковъ
 Смѣешся имъ изъ-подъ гнилой ограды.
 Вопъ слава! нѣпъ, я ими не доволенъ;
 Пошлю тебя начальствовашъ надъ ними;
 Не родъ, а умъ поставлю въ Воеводы;
 Пускай ихъ спѣсь о мѣстническихъ тужипъ;

Пора презрѣть мнѣ ропотъ знамной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Б а с м а н о въ.

Ахъ, Государь, спокрашь благословень
Топъ будешъ день, когда Разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожрешь огонь!

Ц а ръ.

День эшопъ недалѣкъ;
Лишь дай сперва смященіе народа
Мнѣ усмиришь.

Б а с м а н о въ.

Что на него смотрѣшь;
Всегда народъ къ смященью шайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На влaсть отца такъ ошрокъ негодуешь:
Но ч то жъ? конемъ спокойно всадникъ правишь,
И ошрокомъ ошецъ повелѣваешь.

Ц а ръ.

Конь иногда сбиваешь съдока,

Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
 Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
 Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
 Смирипель бурь, разумный Самодержецъ,
 Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
 Нѣпъ, милосипи не чувствуетъ народъ:
 Твори добро — не скажешь онъ спасибо;
 Грабъ и казни — шебѣ не будешь хуже.

(*Входитъ Бояринъ.*)

Что?

Бояринъ.

Привели гостей иноzemенныхъ?

Царь.

Иду приняшь; Басмановъ, погоди,
 Оспанься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
 Поговоришь. (*Уходитъ.*)

Басмановъ.

Высокій духъ державный.

Дай Богъ ему съ Ошрѣевымъ проклятымъ
 Управишься; и много, много онъ

Еще добра въ Россіи сотворить.
 Мысль важная въ умѣ его родилась.
 Не надобно ей дать остыть. Какое
 Минѣ поприще откроется, когда
 Онъ сломитъ рогъ Боярству родовому.
 Соперниковъ во брани я не знаю;
 У Царскаго престола спану первый....
 И можетъ быть.... Но что за чудный шумъ?

(Тревога. Бояре, придворные служители въ беспорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ.)

Одинъ.

За лекаремъ!

Другой.

Скорѣе къ Патріарху.

Третій.

Царевича, Царевича зовешь!

Четвертый.

Духовника!

Басмановъ

Что сдѣлалось такое?

Пятый и шестой.

Царь занемогъ, Царь умираешъ.

Басмановъ.

Боже!

Пятый.

На тронъ онъ сидѣль и вдругъ упалъ;

Кровь хлынула изъ успѣ и изъ ушей.

(Царя выносятъ на стулъ; все Царское семейство; всѣ Бояре.)

Царь.

Подите всѣ — оставьше одного

Царевича со мною. (Всѣ удаляются.) Умираю;

Обнимемся; прощай, мой сынъ: сей часъ

Ты царствовашъ начиешь... о Боже, Боже!

Сей часъ явлюсь передъ Тобой — и душу

Мнѣ некогда очистишь покаяньемъ.

Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже

Душевнаго спасенья... пакъ и бысть!

Я подданнымъ рожденъ, и умереть

Мнѣ подданнымъ во мракъ бъ надлежало;

Но я достигъ верховной власши — чѣмъ?
 Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
 Ты царствовалъ теперь по праву станешь,
 А я за все одинъ оправчу Богу.
 О милый сынъ, не обольщайся ложно,
 Не ослѣпляй себя ты добровольно.
 Въ дни бурные державу ты приемлеши:
 Опасенъ онъ, сей чудный Самозванецъ.
 Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
 Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленыи искушенный,
 Могъ удержать смятенье и мяшежъ;
 Передо мной они дрожали въ страхѣ;
 Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
 Но ты младой, неопытной власницей,
 Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
 Тушить мяшежъ, опушывать измѣну!
 Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
 Онъ слабости даруетъ силу... слушай:
 Совѣтника во-первыхъ избери
 Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,

Любимаго народомъ — а въ Боярахъ
 Почтеннаго породой или славой —
 Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
 Искусный вождь: Басманова пошли
 И съ швердостью снеси Боярскій ропотъ.
 Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
 Ты знаешь ходъ державнаго правленья ;
 Не измѣнишь штученья дѣлъ. Привычка
 Душа державъ. Я нынѣ долженъ быль
 Возспановиши опалы , казни — можешь
 Ихъ отмѣнить ; тебя благословяшь ,
 Какъ швоего благословляли дядю ,
 Когда пресполъ онъ Грознаго пріялъ.
 Со временемъ и понемногу снова
 Запягивай державныя бразды.
 Теперь ослабь , изъ рукъ не выпуская —
 Будь милоспивъ , доспуненъ къ иноземцамъ ,
 Довѣрчиво ихъ службу принимай.
 Со спротогостью храни уставъ церковный ;
 Будь молчаливъ ; не долженъ Царскій голосъ

На воздухъ шеряясь попустому;
 Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
 Велику скорбь или великій праздникъ.
 О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
 Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
 Храни, храни свяшую чистоту
 Невинности и гордую спыдливость:
 Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
 Въ младые дни привыкнуть утопать;
 Топъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
 И умъ его безвременно темнѣеть.
 Въ семье своей будь завсегда главой;
 Машь почтай, но властвой самъ собою —
 Ты мужъ и Царь; люби свою сестру —
 Ты ей одинъ хранитель оспаешься.

ѲЕОДОРЪ (на колѣнахъ).

Нѣпъ, нѣпъ — живи и царствуй долговѣчно:
 Народъ и мы погибли безъ тебя.

ЦАРЬ.

Все кончено — глаза мои темнѣютъ,

Я чувствую могильный хладъ... (*Входитъ Патріархъ, Святители, за ними всѣ Бояре. Царицу ведутъ подъ руки, Царевна рыдаетъ*).

Кто шамъ?

А! схима... шакъ! свяшое посприжение...
 Ударилъ часъ! въ монахи Царь идешъ:
 И темный гробъ мою будепть кельей.
 Повремени, Владыка Патріархъ,
 Я Царь еще: внемлише вы, Бояре:
 Се шопъ, кому приказываю царство;
 Цалуйше крестъ Феодору... Басмановъ,
 Друзья мои... при гробъ васъ молю
 Ему служить усердіемъ и правдой!
 Онъ шакъ еще и младъ и непороченъ.
 Клянешься ли?

Б о я р е.

Клянемся.

Ц а р ь.

Я доволенъ.

Проспите же мнѣ соблазны и грѣхи

И вольныя и шайныя обиды...

Священник ошепъ, приближься, я гоповъ.

(*Нагинается обрядъ постриженія.*

Женщинъ въ обморокѣ выносятъ).

★ ★

С Т А В К А.

БАСМАНОВЪ вводить ПУШКИНА.

Б а с м а н о въ.

Войди сюда и говори свободно.

И такъ шебя ко мнѣ онъ посылаешь?

П у ш к и нъ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаешь

И первый санъ по немъ въ Московскомъ царствѣ.

Б а с м а н о въ.

Но я и такъ Феодоромъ высоко

Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ:

Онъ для меня презрѣль и чинъ разрядный,

И гнѣвъ Бояръ — я присягалъ ему.

Пушкинъ.

Ты присягалъ наследнику престола
 Законному; но если живъ другой,
 Законнейший?...

Басмановъ.

Послушай, Пушкинъ, полно,
 Пустаго мнѣ не говори; я знаю,
 Кто онъ шакой.

Пушкинъ.

Россія и Липва

Димитріемъ давно его признали,
 Но впрочемъ я за это не спою.
 Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
 Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
 Я вѣдаю, что рано или поздно
 Ему Москву уступить сынъ Борисовъ.

Басмановъ.

Пока спою за юнаго Царя,
 До полѣ онъ престола не оставилъ;
 Полковъ у насъ довольно, слава Богу!

Побѣдою я ихъ одушевлю ,
А вы кого пропивъ меня пошлеше :
Не Козака ль Карелу , али Мнишка ?
Да много ль вась ? всего - по восемь тысячъ .

Пушкинъ .

Ошибся ты : и пѣхъ не наберешь .
Я самъ скажу , чѣмъ войско наше дрянь ,
Что Козаки лишь только села грабяшъ ,
Что Поляки лишь хваспаютъ , да пьюшъ ,
А Русскіе ... да что и говоришь —
Передъ тобой не спану я лукавишь ;
Но знаешь ли , чѣмъ сильны мы , Басмановъ ?
Не войскомъ , нѣшъ , не Польскою помогай ,
А мнѣніемъ — да , мнѣніемъ народнымъ .
Димитрія ты помнишь торжесшво
И мирныхъ его завоеванья ,
Когда вездѣ безъ выспрѣла ему
Послушные сдавались города ,
А Воеводъ упрямыхъ чернь вязала ?
Ты видѣлъ самъ : охопно ль ваши рати

Сражались съ нимъ? Когда же? при Борисѣ.
 А нынче ль?... нѣшь, Басмановъ, поздно спорить
 И раздувать холодный пепель брани:
 Со всѣмъ швоимъ умомъ и пвердой волей
 Не успоишь; не лучше ли тебѣ
 Дасть первому примѣръ благоразумной,
 Димитрія Царемъ провозгласить
 И шѣмъ ему навѣки удружишь?
 Какъ думаешь?

Б а с м а н о въ.

Узнаеше вы завѣра.

П у ш к и нъ.

Рѣшись.

Б а с м а н о въ.

Прощай.

П у ш к и нъ.

Подумай же, Басмановъ.

(*Уходитъ*).

Б а с м а н о въ.

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зреетъ:

Что дѣлать мнѣ? Уже ли буду ждать,
 Чтобъ и меня бунтовщики связали
 И выдали Опрепьеву? Не лучше ль
 Предупредить разрывъ попока бурный,
 И самому... Но измѣнишь присягѣ!
 Но заслужишь безчестье въ родъ и родъ!
 Довѣренность младаго Вѣнценосца
 Предательствомъ ужаснымъ заплатишь!
 Опальному изгнанику легко
 Обдумывать мяшежъ и заговоръ,
 Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу Государя...
 Но смерть... но власъ... но бѣдствія народны...

(Задумывается).

Сюда! кто шамъ? (*Свищетъ*) Коня! трубище сборъ.

ЛОБНОЕ МѢСТО.

ПУШКИНЪ идетъ окруженный народомъ.

Н а р о дъ.

Царевичъ намъ Боярина послалъ.

Послушаемъ, что скажеть намъ Бояринъ.

Сюда! сюда!

Пушкинъ (*на амвонѣ*).

Московскіе граждане,

Вамъ кланяясь Царевичъ приказалъ. (*Кланяется*).

Вы знаете, какъ промыселъ небесный

Царевича опь рукъ убийцы спасъ;

Онъ шель казнилъ злодѣя своего,

Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.

Димитрію Россія покорилась;

Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
 Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
 Димитрій къ вамъ идешъ съ любовью, съ миромъ.
 Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
 Подымепе вы руку на Царя
 Законнаго, на внука Мономаха?

Н а р о дъ.

Вѣспимо, нѣшь.

П у ш к и нъ.

Московскіе граждане,
 Міръ вѣдаешь, сколь много вы терпѣли
 Подъ власпю жестокаго пришельца:
 Опалу, казнь, безчестіе, налоги,
 И прудъ, и гладъ, все испытали вы.
 Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,
 Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, рабныхъ,
 Гостей, купцѣвъ — и весь честный народъ.
 Вы ль спанеше упрямиться безумно
 И милостей кичливо убѣгать?
 Но онъ идешъ на Царственныи престолъ

Своихъ отцевъ въ сопровожденыи грозномъ.
 Не гневайше жъ Царя и бойтесь Бога,
 Цалуйше крестъ законному владыкѣ;
 Смиришся, немедленно пошлише
 Къ Димитрію во спанъ Мишрополита,
 Бояръ, Дьяковъ и Выборныхъ людей,
 Да бьюшъ челомъ отцу и Государю.

(*Сходитъ. Шумъ народный*).

Народъ.

Что толковашь? Бояринъ правду молвилъ.
 Да здравствуешь Димитрій нашъ отецъ!

Мужикъ на амвонѣ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія палашы!
 Сшупай! вязать Борисова щенка!

Народъ (*несется толпою*).

Вязать! шопить! Да здравствуешь Димитрій!
 Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЪЦА.

Θ Е О Д О Р Ъ подъ окномъ.

Н и щ і й.

Дайше милоспыню Христа ради!

С т р а ж а .

Поди прочь; не велѣно говоришь съ заключенными.

Θ е о д о р ъ .

Поди старикъ, я бѣднѣе тебя, ты на волѣ.

(Ксения подъ покрываломъ подходитъ также къ окну).

О д и нъ и зъ на р о д а .

Брашъ да сесира! бѣдныя дѣпи, что лпашки въ клѣткѣ.

Д р у г о й .

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

П е р в ы й.

Отецъ быль злодѣй, а дѣлки невинны.

Д р у г о й.

Яблоко опѣ яблони недалеко падаєшъ.

К с е н і я.

Брашецъ! брашецъ! кажеши, къ намъ Бояре
идуши.

Ѳ е одоръ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ не-
знакомы.

К с е н і я.

Ахъ, брашецъ, сердце замираєшъ.

(Голицынъ, Мосальскій, Молгановъ
и Шеребединовъ; за ними трое
Стрѣльцовъ).

Н а р о дъ.

Разступишесь, разступишесь: Бояре идуши.

(Они входятъ въ домъ).

О д и нъ изъ наро да.

Зачѣмъ они пришли?

Другой.

А вѣрно приводишь къ присягѣ Феодора Годунова.

Третій.

Въ самомъ дѣлѣ? слышишь, какой въ домѣ шумъ! Тревога! деруцся!

Народъ.

Слышишь? визгъ! эшо женской голосъ... Взойдемъ! — Двери заперты — крики замолкли — шумъ продолжается.

(*Отворяются двери. Мосальскій является на крыльце*).

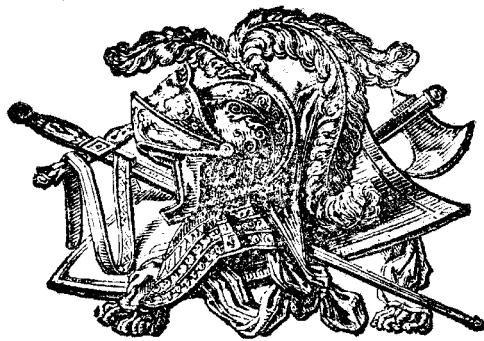
Мосальскій.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Феодоръ отправили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (*Народъ въ ужасѣ молчитъ*). Что жъ вы молчите? кричите: да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичъ!

Народъ безмолвствуетъ.

Конецъ.

Борис Год
1831

П Р О Д А Е Т С Я:

Въ С. Петербургъ. Въ книжномъ магазинѣ Александра Смирдина у Синяго моста въ домѣ Г-жи Гавриловой подъ № 164.

Въ Москвѣ. Въ Университетской книжной лавкѣ у Александра Ширяева.

Въ Одессѣ. Въ книжной лавкѣ Н. А. Клочкова.

Въ Тулѣ. Въ книжной лавкѣ С. А. Типова.

Цѣна 10 руб. съ пересылкою 11 руб.